

РИСКОВАННЫЕ ИГРЫ

П Р О З А

ВАЛЕРИЯ **БОЧКОВА**

Ч И Т А Й Т Е В С Е Р И И

КОРОНАЦИЯ ЗВЕРЯ

ХАРОН

ВРЕМЯ ВОДЫ

В БАЛЧЕКРОВИЙ

ВРЕМЯ ВОДЫ

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Оформление серии – *Петр Петров*

Издательство выражает благодарность Ирине Горюновой
за помощь в приобретении прав на книгу
и использование фото автора на переплете

Бочков, Валерий Борисович.

Б86 Время воды / Валерий Бочков. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с. — (Рискованные игры).

ISBN 978-5-699-83872-1

Часто ли мы задаемся вопросами: что есть Бог и что есть мы? У Анны Филимоновой теперь достаточно времени, чтобы поразмыслить над этим. Случай или чудо спасли ее от неминуемой гибели — разрушительного потопа, накрывшего маленький латышский городок. С высокой церковной колокольни, ставшей ее пристанищем, видно почти все, кроме собственного будущего. По радио сообщили, что есть выжившие, но где-то далеко, в горах. Смастерив из прибитого течением большого контрабаса плот, Анна Кирилловна отправляется на поиски суши. Несколько банок консервов, апельсины и спасательный жилет, подаренный батюшкой, — вот и весь груз ее «ковчега». Кого встретит она на своем пути, что обретет? Настало время неизведанного, настало время воды...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83872-1

© **Бочков В., 2017**
© **Оформление.**
© **ООО «Издательство «Э», 2017**

За ночь вода поднялась еще на полкирпича. Филимонова присвистнула, наклонилась и процарапала гвоздем новую метку.

Спина затекла. Не вставая с колен, Филимонова медленно разогнулась. Охнула, выпрямилась, подперев кулаками поясницу. Тут главное не торопиться, усмехнулась она, если тебе уже не пятнадцать, обращаться с телом нужно бережно. Этим маем Филимоновой стукнуло ровно пятьдесят. На банкете она, перебрав смородинового крюшона, так и объявила: «Полтинник... Кто бы мог подумать, а? Мне — полтинник! Вот и я вышла в тираж...» А после не на шутку разревелась, сморкаясь в салфетки, громко икая и требуя не обращать на нее никакого внимания.

На сегодняшний день в тираж вышли и все остальные, причем независимо от возраста.

Вчера ей повезло: Филимонова выловила семь апельсинов. Один она тут же съела, вытерев об подол и ловко очистив зубами рыжую кожуру, от которой слегка воняло тинной.

Теперь от всего воняло тинной, ряской, болотом. «Слишком много воды, — подумала Филимонова, — и прибывает слишком быстро». Если так дальше дело пойдет, то пропажа консервов окажется не такой уж серьезной проблемой. Хотя, конечно, до слез жаль. Особенно те две банки крабов. В собственном соку — она вспомнила этикетку и рот наполнился слюной.

— Вот ведь мерзавец — красть у одинокой женщины, — и Филимонова, ворча, поднялась, больно ударив плечо о литой край колокола. Громко и от души выругалась. Потревоженный колокол отозвался низким гулом.

— Прости меня, Господи, — пробормотала она, тут же подумав, что в свете последних событий, Он вряд ли всерьез обидится на сквернословие в церкви. Да и не в церкви, собственно, на колокольне. «Считай, почти на свежем воздухе», — решила она.

Филимонова называла себя гностиком — ей нравилось слово, да и беспечная безбожность пионерского детства заложила фундамент. Однако убежденной атеисткой она не была: филимоновское отношение к Богу было почтительно настроженным, ее тип гностицизма вполне допускал существование некой Высшей Силы. Почему бы и нет? На всякий случай она иногда даже ставила свечи и украдкой неловко крестилась в каком-нибудь темном углу церкви, на Пасху непременно красила яйца и от случая к случаю невпопад постилась. Христианское общество, построенное на братской любви, виделось ей милым идеализмом, впрочем, к организованной религии она относилась с недоверием. Скучные лики икон, мертвый Бог на кресте, выкрашенный розовой краской с красными капельками на лбу и ладонях, аляповатые росписи по стенам, свечной угар — это и есть надежда на спасение души?

Был и личный аспект: Бог Отец, он же Вседержитель, Творец неба и земли, всего сущего — видимого и невидимого. И если к Святому Духу и к Богу Сыну у нее претензий не было, то Бог Отец напоминал ей деда Артема, здоровенного бородача, пьяницу и охотника подраться. Родители несколько раз сплавляли ее на лето в ту приволжскую деревню, с

кряжистыми домиками, воронами над кладбищем, глубоченным колодцем, на дне которого обитало гулкое эхо. Дед, источая сладкий сивушный дух, сажал внучку на колено, сдувал табачный сор с липких леденцов и страшным суковатым пальцем щекотал ее куриные ребра.

Старик Филимонов стал самым жутким воспоминанием детства — никогда ей не забыть то раннее июльское утро, когда она увидела деда Артема, повесившегося на кривой антоновке у сарая. Яблоня зимой замерзла и к следующей весне чернела мрачной корягой среди зелени сада. С тех пор Филимонова не ест яблок, при одном виде у нее перед глазами всплывает перекрученный ремень, белая борода и костистые босые ноги, едва касающиеся острой высокой травы.

2

Филимонова взгромоздилась на широкий подоконник. Уперла руки в беленые балясины сводчатого окна, подалась вперед. Осмотрелась — да, вода явно прибывала.

Это было заметно и по деревьям. Макушки высоких лип едва торчали из воды косматыми низень-

кими кустами, в них кое-где еще мутнел утренний туман. Вдали темнела колокольня кирхи и шпиль с крестом. В проеме башенки маячил тощий силуэт пастора, заметив Филимонову, он замахал неуклюжими руками. Та лениво махнула в ответ и отвернулась.

Сейчас она жалела, что так и не заглянула в кирху, не познакомилась с пастором. Иногда, прогуливаясь по липовой аллее, она слышала утробное пыхтенье гудящего органа да щурилась на радужные блики оконных витражей. Пастора, похожего на черную цаплю, она часто видела в городе. Ее кресло стояло у окна, проходя мимо парикмахерской, пастор всегда останавливался и церемонно наклонял голову. Филимонова делала вид, что занята.

Филимонова ловко соскочила на цементный пол, звонко шаркнув подошвами, несколько раз с удовольствием топнула ладными кавалерийскими сапогами. Сапоги были черной, мягкой кожи с высокими голенищами. Чуть велики, правда, так ведь не на танцы, подумала она. Танцы, похоже, закончились. Она с сожалением оглядела свои ноги, лаковый носок, пятку, наборный каблук — что-что, а танцевать она любила.

Сапоги ей достались от дезертира. Не подарок — скорее балласт. Дезертир улизнул под утро, прихватив мешок с филимоновскими консервами.

Дезертир появился два дня назад. Приплыл на автомобильном баллоне, похожем на гигантский черный пончик, увешанный авоськами и мешками с добром. Он сразу не понравился Филимоновой. Шмыгая носом, дезертир пялился на ее тугую грудь, торопливо бубнил, что надо двигать на запад. При этом махал рукой в сторону кирхи, хотя там определенно был север. Говорил что-то про топографию, Даугавпилсскую возвышенность, что он-де понимает карты и у него есть компас.

«Какая к чертям собачьим возвышенность! — зло подумала Филимонова. — Посмотри вокруг, дурак». Но дурак был прав — нужно двигать. Сидеть на месте нельзя.

Поджав под себя ноги и нервно почесываясь, дезертир торопливой скороговоркой нес околесицу, иногда озирался и, подавшись к Филимоновой, переходил на сиплый шепот:

— Вот этими вот глазами, убей меня Бог! Чего ж я врать-то, Анна Кирилловна, буду?.. Поляка того, Мачека, прям на палубе... он не успел, а люки уже того... Задраили. Так вот они черепушку клювами в два счета, как орех... а после гляжу — мозгом лакомятся... Стервятники.

Филимонова молча сидела напротив, по-турецки сложив ноги. Огонек коптил, в его прыгающем свете лицо дезертира казалось желтоватым, как сырое те-

сто. На мизинце она заметила перстенок. Дезертир гордо выставил руку:

— Тайный орден! Не фунт изюма...

В черный агат был впаян золотой паук. Перстень был мал и глубоко впился в жирный палец. Угадав ее мысль, дезертир усмехнулся:

— Застрял. Теперь только вместе с пальцем.

Она посмотрела на его белую грудь, по-бабьи жирную и безволосую, в распахнутом вороте гимнастерки. Подумала: «Зачем он врет? Какие альбатросы в Латвии? Пытается напугать — зачем? — у самого вон поджилки трясутся. Тряпка...»

— А Голландии каюк... И Британии. Может, там какие Альпы еще торчат, хотя за это поручиться трудно, — дезертир поскреб щетину на щеке. — Не поручусь за это. У нас рация накрылась, до этого американцы выходили на связь. Плавбаза «Цинциннати». Капитан Ласточкин говорит — это как город. Бассейны, рестораны, кино... Даже кегельбан есть. Вот бы куда добраться. Но как?

Вокруг, в непроглядной темноте, тихо ворчала невидимая вода, иногда что-то чавкало и царапало по наружной стене. В одном дезертир был безусловно прав — оставаться здесь нельзя. Вода прибывала.

— Я вам не баран! — он погрозил кулаком в темноту. — Какая к бесу присяга? Долг! Я-то знаю, что провизии на две недели осталось. Даже с урезанным

пайком... Что, прикажете дожидаться, когда они друг дружку жрать начнут? Благодарю покорно, это уж без меня как-нибудь. Теперь каждый за себя.

Филимонова почти не слушала треп дезертира, она снова вспомнила школьный автобус на мосту, запотевшие окна, маленькие испуганные лица. Вода, быстрая и мутная, подошла уже к верхним перекладинам опор. На ее глазах мост накренился и автобус, смяв ограждение, медленно, словно нехотя, сполз в воду. Течение подхватило его и потащило, крутя в водоворотах и сталкивая с вырванными деревьями, телеграфными столбами и разноцветным плавучим мусором. Желтая крыша мелькнула и исчезла.

Как же легко я утешилась! Такая же дрянь, как и этот вояка, сижу тут, как ни в чем не бывало. Слушаю треп, как спасти свою шкуру. Или это просто защитная реакция, чтоб не сойти с ума?

Сначала было оцепенение, сознание просто фиксировало происходящее вокруг. Безучастно, как автомат. Филимонова подумала, что, если бы тогда в этом принимали участие разум или душа, наверняка произошло бы короткое замыкание. Она бы просто чокнулась. Тогда у нее внутри что-то заклинило — все чувства оцепенели, застыли. Не было даже страха. Страх появился после, через пару

дней, когда стали всплывать в памяти эти картины, этот страшный вой, мост, автобус. Потом пришло отчаяние.

Дезертир служил по снабженческой части. Был интендантом, которых Наполеон советовал вешать без суда через полгода службы. Император оказался прав: под утро вместе с консервами исчезла и колокольная веревка, дезертир срезал ее под самый узел.

В колокол Филимонова звонить не соби­ралась — она ж не пастор. Вере­вка, однако, могла пригодиться. Еще досадней была кража консервов. Филимонова съела апельсин, аккуратно спрятала корки в карман широкой цыганской юбки. Облизнула пальцы и стала всматриваться в горизонт.

3

Жизнь представлялась Филимоновой цепочкой нелепых случайностей. Почему спаслась именно она? Тем более в церкви. Да и вообще в этот Кронципилс Филимонова угодила по недоразумению — застряла по дороге из Риги в Ржев. И если уж искать логику или, на худой конец, причину, то виной всему были латышские калачи. Душистые ржаные калачи с тмином.

Замешкавшись в привокзальной пекарне, она прозевала свой поезд. Следующий уходил только утром. Делать было нечего. Жуя горячий калач, она вышла в город: Кронципилс оказался пыльным и сонным захолустьем, с коричневым тенистым прудом и ветхой готической усадьбой, которую местные называли «замок». В пруд забрела корова, так и стояла, лениво кивая большой головой своему рогатому отражению.

Выйдя из парка, Филимонова пересекла пустую площадь и свернула на центральную улицу. Она так и называлась — «Центральная». Она угадала прежнее название улицы — посередине площади в окружении жестких, пыльных кустов торчал пустой постамент, похожий на крашеный серебрянкой эшафот. По дырочкам вырванных букв она прочла имя.

Латышские вывески чередовались с русскими. Кособокие и рябые двухэтажные фасады неплохо было бы подмазать и освежить. А может, и не надо, — Филимоновой сразу пришлось по душе сонная провинциальность и неспешный уклад городка, золотистая пыль в летних лучах, луковка колокольни с горящим боком, темный липовый парк. На треснутой по диагонали витрине парикмахерской к солнечному блику приклеилась бу-

мажка: «Требуется опытный мастер в жен. салон». Ни мастером, ни тем более опытным Филимонова не была — так, стригла институтских подруг, вот и весь опыт. Диплома у нее не спросили, поверили на слово. «Да, в Москве и в Риге работала», — неопределенно ответила она.

Калачи, поезд и объявление торжественно выстроились в логическую цепь, обрели вкрадчивую убедительность знаменья. Именно того, что русские обычно называют плохо переводимым на латышский словом «судьба».

Филимонова лежала на куче тряпья. «На запад, надо двигать на запад» — фраза крутилась в мозгу, не давала думать, сводила с ума. Было жестко, от тряпок несло болотом. «Нужен плот или лодка, колокольню затопит через неделю. Надо двигать на запад. Там горы, там Татры, Карпаты... Наверняка кто-то спасся, уцелел».

Колокольный зев чернел над ней, язык колокола, похожий на пестик от гигантской ступы, целил прямо в лоб. Она закрыла глаза. Раньше ей казалось, что с годами жизнь должна наполниться смыслом, мудростью, на самом деле все шло по убывающей и ничего, кроме ненужного, грустного опыта и скуки, под конец не осталось. Под ко-